

© 1991 г.

КРАВЕЦКИЙ А. Г.

К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ

(Паримейная версия книги пророка Ионы)

Знание истории русского и других славянских литературных языков жестко обуславливается знанием истории текстов, написанных на этих языках. Текстология перестает быть чисто вспомогательной дисциплиной, вторгаясь в лингвистику и предлагая последней те или иные интерпретации. Издание текста оказывается необходимым этапом в познании его лингвистического устроения.

Научному изданию славянской Библии должно предшествовать изучение всего рукописного предания Св. Писания. Необходимо проанализировать сотни рукописей и выяснить место каждого списка в истории библейского текста. Изучение текстов, которые дошли до нас в значительном числе списков, естественно начинать с анализа небольших фрагментов. Наш выбор пал на книгу пророка Ионы, т. к., во-первых, книга невелика по объему, что дает возможность рассмотреть ее полный текст по большому числу списков, во-вторых, она целиком читается во время богослужения, а также полностью входит в хорватские глаголические бревиарии. Непаримейные версии книги Ионы более или менее изучены. В 1918 г. появилось критическое издание толковой редакции книги Ионы, выполненное Н. Л. Туницким [1], а в 1987 г. Зд. Рибарова издала глаголическую версию книги Ионы [2]¹. Наличие этих изданий существенно облегчает нашу задачу. В паримейнике книга Ионы — это целый, представляющий собой одну паримью текст, читающийся на вечерне Великой Субботы.

Паримейник — богослужебный сборник, содержащий фрагменты библейских книг (преимущественно Ветхого Завета), читающихся в навечерие больших церковных праздников, а также в дни Великого поста. Паримейник — славянский переводной памятник, греческим оригиналом которого является профитологий². Считается, что паримейник был переведен Кириллом и Мефодием. Древнейший из дошедших до нас рукописных паримейников датируется концом XII — нач. XIII вв. Являясь необходимой богослужебной книгой, паримейник был очень широко распространен. В библиотеках СССР сохранилось более 60 списков этой книги³.

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Зд. Рибарову, давшую нам возможность ознакомиться с этим изданием.

² Имеется критическое издание греческого профитология, в аппарате которого использовано около 80 списков [3].

³ Работа выполнена на материале 45 списков паримейника рукописных собраний Москвы и Ленинграда. Список использованных рукописей и их обозначений см. в конце статьи. Сведения о рукописях приводятся по каталогу А. А. Пичхадзе [4]. Даты паримейников собрания ЦГАДА уточнены по [5].

Надо отдавать себе отчет в том, какая ничтожная часть от общего числа созданных на Руси рукописей дошла до нас. Паримейник входил в число книг, без которых не могло совершаться богослужение. Следовательно, экземпляр этой книги имелся в каждом храме. Таким образом, на 10 000 церковных зданий, построенных на Руси в XI—XIII вв. [6, с. 64], приходится порядка 10 000 списков паримейника. Судя по Сводному каталогу [7], от XI в. не дошло ни одной рукописи, а от XII—XIII вв. дошло 11 списков, в число которых входят и незначительные фрагменты, которые не дают материала для исследования текста. Но даже если мы будем считать эти фрагменты полноценными рукописями, окажется, что мы имеем не более 0,11% от созданных в XI—XIV вв. паримейников. Мы не настаиваем на точности этой цифры, но утверждаем, что дошедшие до нас списки представляют собой случайные фрагменты огромной рукописной традиции, которую едва ли возможно восстановить на основе имеющегося материала.

I

Для средневековой книжной традиции проблема сохранения традиционной структуры текста и его языка стояла очень остро ⁴. При ручном способе копирования книг в тексте в принципе должны были стремительно накапливаться разночтения. Случайные опiski и сознательные исправления, переосмысления и вносимые в текст глоссы, пропуски и добавления, накапливаясь при массовом копировании, рано или поздно должны были значительно изменить исходный текст.

Особенно остро эта проблема должна была стоять для богослужебных книг, так как это были наиболее переписываемые книги, и изготовление большого числа рукописных копий (по данным Б. В. Сапунова [6], на Руси были переписаны сотни тысяч томов основных богослужебных книг), естественно, ускоряло процессы распада текста.

Однако рассматривая реальные рукописи, мы обнаруживаем удивительную стабильность и устойчивость текста. Вариации оказываются крайне незначительными. Для объяснения высокой стабильности богослужебных и библейских текстов А. А. Алексеев предположил, что переписчики библейских и богослужебных книг «...в большинстве случаев работали с двумя-тремя протографами, сверяя чтения основного протографа с дополнительными источниками и на основе рационалистической критики текста выбирая „лучший“ вариант из нескольких возможных» [8, с. 8]. Книги, переписанные таким образом, составляют контролируемую рукописную традицию. Понятно, что далеко не все паримейники создавались таким образом. Часто встречалась ситуация, когда только одна рукопись *A* служила протографом для рукописи *B*, только одна рукопись *B* служила протографом для рукописи *C* и т. п. Такая цепочка может быть достаточно длинной, однако в какой-то момент одна должна пересечься с другой цепочкой, в результате чего протографом для рукописи *D* будет не только рукопись *C*, но и рукопись *Z* (обозначения *A*, *B*, ... *Z* условны). Поскольку до нас дошла ничтожная часть от общего числа переписанных на Руси паримейников, представляется совершенно невероятным, что среди них окажутся непосредственно сцепленные звенья подобной цепочки.

⁴ Может быть, корректнее было бы говорить не о сохранении структуры, а о стремлении к абсолютно точному воспроизведению исходного текста. Это стремление, в свою очередь, вело к появлению специфических ошибок.

Задача изучения славянских рукописей контролируемой традиции была поставлена А. А. Алексеевым в 1984 г. [9]. С тех пор появился ряд работ, рассматривающих историю отдельных книг Св. Писания как контролируемую традицию [8; 10—12]. Была разработана соответствующая методика, позволяющая группировать рукописи. Однако представление о том, что создание новых рукописей осуществлялось с использованием нескольких оригиналов, является не более чем гипотезой, хотя и отвечающей текстологической эмпирии. В дальнейшем мы также будем исходить из этой гипотезы.

Изучение текста контролируемой традиции представляет значительные трудности, т. к. любые группировки списков, любые попытки выделить редакции и группы оказываются тщетными. В рукописях подобного рода, в силу особенностей их природы, отсутствует система текстологических примет [13, с. 84; 14, с. 347], т. е. устойчивые наборы текстовых особенностей, характерных для определенной редакции памятника [15, с. 221—229].

Допустим, что в результате исправления списка А по греческому оригиналу возникает список В, характеризующийся определенной системой особенностей. В дальнейшем В наряду с другими рукописями служит одним из антиграфов при создании новых списков. В результате для каждого списка мы получаем достаточно случайный набор черт, а не систему признаков, которая может явиться текстологической приметой. Следовательно, по отношению к текстам с контролируемой традицией нужно с большой осторожностью пользоваться приемами, используемыми в классической текстологии. Д. С. Лихачев, анализируя случаи использования древнерусскими книжниками в процессе работы нескольких рукописей [15, с. 92—95], не привлекает сакральных рукописей, по отношению к которым контроль над текстом должен был проявляться наиболее последовательно. Использование же нескольких оригиналов при переписывании летописей преследовало совершенно иные цели. Летописец мог ставить перед собой задачу достоверной передачи событий, мог решать те или иные художественные, публицистические и т. п. задачи, но едва ли перед ним могла стоять задача сохранения или реконструкции древнейшего облика текста.

Иная ситуация обнаруживается, когда мы имеем дело с богослужебными книгами. Конфессионально-литургическая литература, занимающая высшее положение в пирамиде жанров средневековой книжности, отличается высокой устойчивостью. Литургические тексты «...относились к древней общеславянской литературе: ни один из них не имел „национальных“, локальных специфических черт» [16]. Священный текст (совокупность реальных списков) воспринимался как идеальный с точки зрения содержания и языка. Для средневекового книжника речь шла не об улучшении сакрального текста, а о возвращении к его идеальному древнему облику. Стремление к архаизации текста или реконструкции архетипа на практике могло вести к радикальному пересмотру и модернизации. Не надо забывать, что филологические представления средневековых книжников отличались от современных.

Исходя из этого, мы считаем целесообразным рассматривать текстологию рукописей традиционного содержания как отдельный раздел текстологии древнеславянской литературы, имеющий самостоятельный набор приемов и исходящий из иных принципов критического издания текстов. Так, например, говоря об изданиях и памятниках древнерусской литературы, Д. С. Лихачев пишет, что «для издания должен предпочтительно выбираться древнейший текст данного памятника...» [15, с. 177]. В случае

кирилло-мефодиевских переводов это требование едва ли окажется приемлемым. Отсутствие отчетливых текстологических примет лишает исследователя возможности выбора рукописи, содержащей древнейший текст. Использование одного из древнейших списков, содержащих массу индивидуальных особенностей, делает необычайно громоздким критический аппарат, в то время как использование в качестве основного того списка, который дает наиболее типичное чтение, позволяет точнее отразить существующую рукописную традицию.

II

Метод исследования текстов контролируемой традиции был разработан Э. Колвеллом на материале греческого текста Св. Писания [13]. К славянскому материалу методика Колвелла впервые была применена А. А. Алексеевым [8, 9], который исследовал с ее помощью текст славянского перевода Евангелия. Позже этой методикой пользовались Н. В. Коссек [11], Е. А. Афанасьева [10], А. А. Пичхадзе [12, 17].

Одной из особенностей текстов, объединяемых контролируемой традицией, являются смешанные чтения, которые возникали в тех случаях, когда писец не знал, чтение какого из имеющихся в его распоряжении оригиналов предпочесть [9, с. 35; 11, с. 107]. Случаи такого рода встречаются и в анализируемой нами паримье из книги Ионы. Так, например, в 10 стихе I главы профитологий дает следующий пассаж: *ѡ κηρρυσελεν αὐτοῖς*. В большей части славянских списков это выражение переводится как *яко повѣда имъ*. Встречаются также варианты: *ѡδѣ, повѣдаѣтъ имъ* (СК), *заповѣда* (Тх-3). А Пб-3 дает чтение *ѡдѣ и повѣдѣ имъ*. Видимо, в оригиналах, которыми пользовался книжник, в этом месте обнаружались разные варианты. Критериев для выбора не было, и в результате возник смешанный вариант. Аналогичным образом в 8 стихе III главы: *ἀπὸ τῆς ἰδοῦ αὐτοῦ τῆς ποτηρᾶς* в соответствии с *ποτηρᾶς* большинство списков дают *неприказньскаго* (-нина), встречается вариант *лоукаваго*. В Кл обнаруживается смешанный вариант: *неприказнина и лоукаваго*. Такие примеры можно умножить.

Метод Колвелла основывается на наблюдении, что разночтения, как правило, концентрируются в определенных точках текста, в то время как остальные участки его оказываются тождественными практически во всех рукописях.

Участки текста, которые по спискам дают варианты, Колвелл называет *variation units* (узлы разночтений). Именно эти фрагменты содержат информацию о взаимоотношении рукописей между собой. При анализе узла разночтений учитываются только варианты, встречающиеся хотя бы в двух рукописях. Индивидуальные чтения списка в расчет не принимаются, так как они содержат информацию лишь о данном списке, а не соотношении списков между собой [9, с. 88]. Например, в книге Ионы в I главе стих 6 в соответствии с греческим *καὶ προσῆλθε πρὸς αὐτὸν ὁ πρῶτος* читается и *пристоупи къ нему* (ὁ πρῶτος). Большая часть рукописей в соответствии с *ὁ πρῶτος* дает *носникъ*, однако встречаются также варианты *корабльникъ* и *крмникъ*, т. е. мы имеем узел разночтений, который выглядит следующим образом:

Греческий текст	Церковнославянский текст	Сиглы рукописей
ὁ πρῶτος	<i>корабльникъ</i>	Ф-1, Нк-2, Мх, См-2, Сп-1
	<i>крмникъ</i>	Пб-1, Verb
	<i>носникъ единъ</i>	Тх-1
	<i>носникъ</i>	остальные рукописи

При этом чтение, представленное в Тх-4 (*носникъ единъ*), считается совпадающим с чтением *носникъ*, ибо индивидуальные чтения в расчет не принимаются. Каждому варианту присваивается номер. В результате каждая рукопись оказывается описанной определенным набором чисел. При помощи компьютера эти наборы сравниваются между собой, т. е. выясняется количество одинаковых чтений для каждой пары рукописей⁵. Результат выражается в процентах. При этом учитывается то обстоятельство, что в рукописях встречаются лакуны и число узлов разночтений в разных списках оказывается разным. Так, в паримейной версии книги Ионы мы выделили 224 узла разночтений⁶. Однако в конкретном списке число узлов разночтений из-за лакун часто оказывается меньшим.

Итак, в результате обработки данных при помощи компьютера мы узнаем процент общих чтений для каждой пары рукописей. Следующим шагом должна быть группировка рукописей. На первый взгляд, здесь не возникает проблем. Кажется, что операция группировки рукописей может быть основана на утверждении типа: «Две рукописи, для которых процент общих чтений оказывается выше заранее заданного числа (порогового значения), относятся к одной группе». Однако А. А. Алексеев и Е. Л. Кузнецова [18, с. 115] указывают, что было бы некорректно при группировке рукописей опираться на пороговые значения, так как строго обосновать величины этих значений невозможно. Действительно, трудно объяснить, почему две рукописи, имеющие, например, 70% совпадений, относятся к одной группе, а совпадающие на 69% — к разным.

Предлагаемая авторами статьи [18] процедура группировки рукописей выглядит следующим образом: «ЭВМ рассматривает пары списков в порядке убывания процента общих чтений. Две рукописи, имеющие наибольшую степень сходства, образуют первый кластер. Затем рассматривается следующая пара рукописей: если одна из них уже вошла в первый кластер, то к нему приписывается и вторая; если обе рукописи „новые“, то они объединяются во второй кластер. Таким образом, рукописи либо приписываются к уже существующим кластерам, либо образуют новые кластеры» [18, с. 115]. А. А. Алексеев предлагает таблицу, из которой виден процент совпадений для каждых двух рукописей. При этом рукописи, дающие высокий процент совпадений, оказываются записанными рядом. Полученная таким образом таблица информативна, однако воспринимать и анализировать заключенную в ней информацию очень трудно⁷. К тому же остается неясным положение рукописей, дающих невысокий процент совпадений со всеми остальными; непонятно, как соотносятся между собой рукописи, относящиеся к разным кластерам.

Мы поступим иначе, а именно, рассмотрим наши рукописи как систему объектов, между которыми устанавливаются связи разных типов⁸. В результате мы получим не статическую характеристику некоторого числа

⁵ Программу сравнения рукописей любезно составил Л. В. Иванов. Приносим ему за это свою благодарность.

⁶ Количество выделяемых узлов разночтений зависит от того, какие уровни языка берутся за основу при текстологическом анализе. В нашей работе фиксируются лишь разночтения лексические и синтаксические.

⁷ Таблицы, полученные в результате группировки рукописей по методике, предложенной А. А. Алексеевым, см. в [9, с. 89; 8, с. 11—14; 10, с. 175—178; 11, с. 103; 12, с. 190—194; 17, с. 129—130].

⁸ Под связью здесь понимается иерархия отношений, объединяющих элементы системы.

объектов, а модель текста, понимаемого как инвариант, к которому сводятся все реальные списки⁹.

Наши списки можно рассматривать как пятьдесят объектов, которые каким-то образом связаны между собой. Введем понятие сильной, слабой и условной связи. Будем считать, что между списками имеется сильная связь в том случае, если они совпадают более чем на 75%; для интервала 70—75% будем говорить о слабой связи; и, наконец, интервал 60—70% рассматривается как условная связь.

Указывая числовые значения, отделяющие сильные связи от слабых, а слабые от условных, мы основываемся в первую очередь на интуиции. Однако в нашем случае допустить при выборе порогового значения серьезную ошибку практически невозможно. Неудачный выбор этих значений может лишь затемнить картину, но не исказить ее¹⁰.

Совпадение менее 60% в расчет не принимается. Введя соответствующие условные обозначения, можно составить таблицу, позволяющую проследить взаимоотношения и достаточно удаленных друг от друга списков (см. табл. 1 на с. 78).

Таблица построена следующим образом: по горизонтали отмечаются связи списка. При этом мы следуем правилу, что для каждого списка должно быть указано не менее пяти¹¹ связей, т. е. отмечаются все сильные связи, и, если последних оказывается менее пяти, то отмечаются и слабые, а в случае необходимости — условные. Например, для Тх-2 выделяются только сильные связи (их 15), в то время как Ф-2 имеет только одну сильную связь, и, следовательно, для этой рукописи указываются слабые связи. Среди рукописей отбираются те, которые дают больший процент совпадений. Таковыми являются Ляп (73,52%), Тх-2 (73,53%), Стр (73,04%), Григ (72,55%), Пб-3 (72,55%)¹². Если учет и слабых связей не дает нам возможности довести число связей до пяти, привлекаются условные связи.

Таким образом описываются все рукописи. В результате получаем таблицу, где каждый список охарактеризован в двух отношениях: по горизонтали указываются связи с теми списками, к которым тяготеет данная рукопись, а по вертикали — степень ее инвариантности.

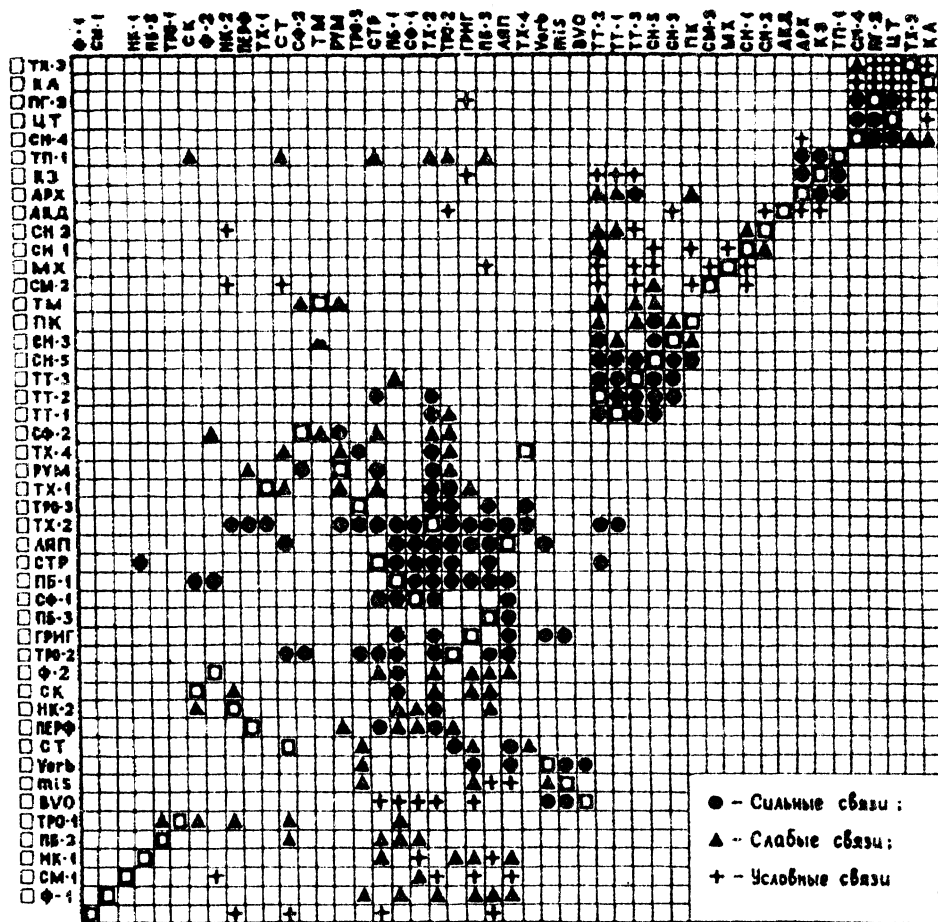
Чем больше связей отмечено в вертикальном столбце, тем выше степень инвариантности списка. Например, о рукописи Ст можно сказать, что она связана сильными связями с Тро-2 и Ляп, слабыми — с Тро-3, Григ,

⁹ Четкое противопоставление лингвистических построений, имеющих дело с моделями языка, и статистической лингвистики см. [19].

¹⁰ Если бы мы взяли иные числа, то таблица стала бы более (или менее) информативной, но группировка рукописей не изменилась бы. Действительно, неудачный выбор числовых значений, характеризующих конкретный тип связи, может, в предельном случае, привести к следующим результатам. 1) Интервал существенно больше оптимального. При этом практически все клеточки таблицы окажутся заполненными и анализировать ее станет очень трудно. Увеличение интервала, описывающего вид связи, приводит к тому, что каждый список оказывается охарактеризованным с максимальной полнотой, но возрастает «шум в канале связи». 2) Интервал числовых значений, описывающих конкретный тип связи, существенно меньше оптимального. В этом случае каждая рукопись оказывается описанной крайне незначительным числом связей, таблица легко читается («шум» минимален), но значительная часть рукописей оказывается неохарактеризованной.

¹¹ Если мы возьмем иное число, то таблица станет менее (или более) информативной, но группировка рукописей не изменится. Ситуация здесь аналогична описанной в примеч. 10.]

¹² Указываются пять рукописей вместо четырех, так как Ляп и Пб-3 дают одинаковый процент совпадения с Тх-2; в таких случаях приводятся обе рукописи.



Тх-4, в то время как с ней оказываются связанными слабыми и условными связями такие непохожие друг на друга списки, как Ф-1, Пб-2, Тро-1, Тх-1, Тх-4, См-2, Тп-1, и сильными связями, соответственно, Тро-2 и Ляп. Таким образом, можно видеть, что если сильные связи оказываются симметричными, то слабые и условные связи, как правило, имеют направление: т. е. если Тт-2 объединяется с Тх-2 сильной связью, то Тх-2 связан с Тт-2 такой же связью; если же, например, Срд связан с Тх-2 условной связью, то для Тх-2 условная связь с Срд оказывается незначимой.

Предложенная таблица является не формой записи результатов статистического исследования средневековых рукописей, а моделью текста. При этом под текстом понимается инвариант, к которому относятся реальные рукописи. Текст описывается как система списков, в которой каждый список занимает свое место. Характеристикой каждого списка в системе являются его связи. Мы отдаем себе отчет в условности предложенной классификации связей, так как объективного критерия для проведения границы, видимо, не существует [18, с. 115]. Тем не менее мы выделяем виды связей, основываясь на проценте совпадения

списков между собой, поскольку это позволяет перейти от статистического описания текста к модели.

Центральное место в таблице занимает достаточно большая группа рукописей, относящихся к XII—XVI вв. Основное ядро ее составляют такие списки, как Тх-2, Григ, Тро-2, Пб-3, Ляп, Пб-1, Сф-1, Стр, Тро-3, Рум. Со списками, входящими в это ядро, связаны также глаголические брeвиарии. Ряд списков (Ф-1, См-2, Срл, Нк-1 и т. д.) оказывается на периферии, однако их принадлежность к данной группе несомненна, так как эти рукописи почти не имеют связей с другими группами.

Другая четко обособленная группа, центром которой являются такие списки, как Тт-2, Тт-1, Тт-3, Сн-5, Сн-3, Пк, безусловно связана с предыдущей. Нужно сказать, что находящиеся на периферии этой группы списки (См-2, Мх, Сн-1, Сн-2) довольно тесно связаны между собой, и, может быть, их целесообразно рассматривать как самостоятельную группу. К этой группе также примыкают Арх, Кз, Тп-1 — три достаточно близких между собой рукописи.

И, наконец, особое место занимают списки Сн-4, Пг-2, Тх-3, Кл, лежащие в основу старопечатных триодей (ЦТ). Образуя компактную группу, эти списки имеют слабые и условные связи со списками, входящими в основную группу, в то время как другие группы практически не имеют связей с данной группой.

III

Итак, мы получили некую группировку рукописей. Следующий шаг кажется очевидным — обосновать полученные результаты методами традиционной текстологии. Однако не следует ожидать, что в результате мы сможем четко установить характерные особенности выделенных групп¹³. Дело в том, что при переписывании текста в результате использования нескольких оригиналов число особенностей, возникших в результате той или иной sprawy, уменьшается, что весьма затрудняет выделение редакций паримейника. Текстологических особенностей, характерных для выделенных при статистическом анализе групп рукописей, оказывается очень немного. «Наполнение» полученной нами классификации списков собственно текстологическим материалом едва ли позволит нам достоверно воссоздать историю возникновения этих групп.

Вообще попытка выделения текстологических примет, характеризующих группы рукописей, установленные при помощи статистического анализа, не является корректной операцией. Ведь само обращение к достаточно трудоемким статистическим методикам связано с тем, что в некоторых типах текстов не удавалось обнаружить системы достаточно устойчивых текстологических примет [14, с. 347], которые позволили бы выделить редакции памятника. Отсутствие текстологических примет было объяснено тем, что в процессе создания рукописи книжник, осуществляя контроль за правильностью переписываемого текста, пользовался несколькими оригиналами. Бесполезно пытаться обнаружить устойчивые текстологические приметы в рукописях, созданных таким образом¹⁴, и, следовательно, приходится обращаться к статистическим методам.

¹³ Эти группы соответствуют тому, что Э. Колвелл называет *text-type*. Под текстовым типом у Колвелла понимается наибольшая группа источников, которая может быть строго отождествлена (речь идет о группе рукописей, а не о наборе особенностей, характеризующих ее (см. [13, с. 9]).

¹⁴ Напомним, что представление о том, что книжники использовали в своей работе более одного оригинала, является гипотезой, а не надежно установленным фактом.

Именно отсутствие текстологических примет заставило исследователей обратиться к статистике. Попытки обнаружить текстологические приметы, характеризующие группы, выделенные при помощи статистических методов, на первый взгляд, кажутся бессмысленными. Однако поиск этих примет часто приводит к положительному результату¹⁵. При разработке концепции текста с контролируемой традицией необходимо понять, какая реальность стоит за выделяемыми текстологическими приметами и как соотносится понятие «текстологическая примета» при традиционном и статистическом подходах.

IV

Выше были высказаны некоторые соображения относительно методов группировки рукописей, содержащих один и тот же текст. Здесь стоит пояснить, что именно понимается в данной работе под текстом. Подобно фонеме, объединяющей множество вариантов и вариаций, под текстом с контролируемой рукописной традицией целесообразно понимать не знаковый состав конкретной рукописи или группы рукописей, а инвариант, вариантами которого являются все дошедшие и не дошедшие до нас рукописи. Этот инвариант отражает общую тенденцию, которой следовали переписчики и редакторы наших рукописей.

Понимая под текстом инвариант, соответствующий системе реальных списков, можно заключить, что текст характеризуется, с одной стороны, тенденцией к дезорганизованности, распаду (энтропия), а с другой — тенденцией к большей организованности [20, 21]. Первая тенденция может быть связана со стремлением книжника сделать свой текст более понятным читателю (оно ведет к внесению в переписываемую рукопись элементов, характерных для местного извода церковнославянского языка), попытками вернуться к древнему облику текста, а также ошибками и описками, возникающими при переписывании. Вносимые исправления, независимо от образованности и филологического чутья книжника, вели к появлению новых вариантов и, следовательно, к распаду, дезорганизации текста. Одновременно действовала тенденция, обеспечивающая диакроническое единство текста. Эта тенденция связана в первую очередь с использованием нескольких оригиналов при переписывании рукописей. Использование нескольких протографов предотвращало тиражирование и закрепление в рукописной традиции вносимых в рукописи изменений и в конечном счете обеспечивало тождество текста самому себе.

Необходимо учитывать функциональную противопоставленность паримейника, с одной стороны, четьему и толковому текстам, а с другой — тексту, входящему в состав глаголических бревиариев. Эти тексты могли каким-то образом влиять друг на друга, но мы не рассматриваем эти влияния как результат контроля над текстом и считаем, что в качестве антиграфов могли использоваться только рукописи, содержащие один текст. Антиграфом для паримейника мог служить только паримейник. А. А. Алексеев, отмечая случаи бессистемного смешения евангелий разных типов, приходит к выводу, что «контроль за стабильностью текста мог осуществляться поверх текстологических группировок рукописей и типологических рубрикаций...» [8, с. 18—19]. Безусловно, тексты разного типа оказывали влияние друг на друга. Однако, на наш взгляд, подобное влияние логичнее считать не контролем над текстом, а редак-

¹⁵ Успешная попытка охарактеризовать полученную при помощи метода Колвелла группировку рукописей паримейника методами традиционной текстологии была предпринята А. А. Пичхадзе.

турой, подобно исправлениям по иноязычному оригиналу. Редакторские исправления сакральных текстов — дело наиболее образованных и квалифицированных книжников, в то время как контроль за переписываемым текстом, видимо, носил массовый характер. Использование в качестве протографов рукописей разных типов должно было чрезвычайно усложнить работу книжника. Трудно предположить, что такая трудоемкая работа могла осуществляться слишком часто.

Понимание текста как инварианта, к которому сводятся рассматриваемые списки, предполагает соответствующий метод текстологического анализа этих списков. Можно попытаться охарактеризовать инновации, вносимые в текст на протяжении его истории, соотнести имеющиеся в рукописях разночтения с известными книжными справками. При этом объектом исследования будут не отдельные группы рукописей, а текст.

V

Результатом текстологического исследования должно стать критическое издание исследуемого текста. Одной из существеннейших проблем, стоящих перед издателями текстов, которые дошли до нас во многих списках, является выбор рукописи, которая должна лечь в основу издания. Для текстов, составляющих контролируемую рукописную традицию, таким списком должен быть список, максимально близкий инварианту [9, с. 93], т. е. список, для которого средний процент совпадений с другими рукописями окажется наивысшим. Этот средний процент должен показывать, так сказать, степень инвариантности рукописи. Подчеркнем, что речь идет о списке, наиболее близком инварианту, а не архетипу. Видимо, наиболее инвариантным должен оказаться список, соответствующий представлению средневекового книжника об идеальном тексте. Естественно, необходимо также учитывать количество индивидуальных чтений, отсутствие механических повреждений рукописи и т. п.

Для нашего текста рассмотренные списки дают следующий средний процент совпадений друг с другом.

1. Грпг 68,6	17. } Сн-5	33. Сн-1 60,01
2. Тх-2 68,56	18. } Пб-1	34. Кз 59,24
3. Тро-2 66,96	19. Тт-3 63,83	35. Ф-1 59,13
4. Ляп 66,82	20. Ф-2 63,75	36. Пг-1 58,83
5. Тро-3 66,85	21. Сн-3 63,62	37. Кл 58,75
6. Стр 66,77	22. Тт-1 65,59	(38. BVO 57,66)
7. Пб-3 66,34	23. Пк 63,54	39. См-2 57,07
8. Сф-1, 66,19	24. Тх-4 63,39	40. } Акд
9. Ст 65,79	25. Арх 62,62	41. } Мх
10. Тт-2 65,44	26. См-1 62,49	42. Пг-2 55,07
11. Нк-2 65,05	27. Сф-2 61,92	43. Сн-4 54,20
12. Тп-1 64,80	28. Тм 61,75	44. Тх-3 53,5
13. Ск 64,35	29. Нк-1 61,7	45. Тро-1 52,48
14. Рум 64,28	30. Verb 61,03	46. Цт 51,75
15. Тх-1 64,09	31. Срл 60,71	(47. Mis 46,41)
16. Перф 64,06	32. Сн-2 60,46	(48. Nov 44,80) ¹¹

Нас интересует не числовое значение среднего процента, а порядковый номер рукописи в списке, который указывает степень инвариантности списка (чем меньше номер, тем ближе оказывается рукопись к тому по определению не реализуемому идеалу, к которому стремились в своей работе книжники).

¹¹ Напоминаем, что данные глаголических бревиариев привлекались для сравнения и для них средний процент совпадений едва ли можно считать показателем степени инвариантности.

№	Паримьи									
	Лян	Нк-2	См-2	Сн-3	Сн-5	Тм	Тт-2	Тх-4	Ф-1	Пг-2
1	7	1	8	3/4	2	5	3/4	9	6	10
2	7	1	9	3	5	6	10	2	4	8
3	10	2	3	6	9	7	5	1	4	8
4	6	10	4	3	5	8	7	9	1	2
5	1	3	9	5	4	7	2	6	8	3

Предлагаемая форма записи позволяет сравнить наши данные с результатами, полученными А. А. Пичхадзе при анализе паримий из книги Исход. Сравнивать непосредственно проценты совпадений, полученные разными исследователями при анализе разных текстов, нельзя, т. к. эти числа зависят от принципов выделения узлов разночтений, которые у разных исследователей оказываются неодинаковыми.

Для сравнения нами были взяты 10 рукописей, в которых целиком читаются следующие паримьи: 1) Исход I. 1—20 (Страстной понедельник); 2) Исход XIV. 15—29₁ (Великая суббота); 3) Исход XIV. 15—29₁ (Богоявление); 4) Исход X. 1—3, 4, 5, 9—10, 16, 34—35 (Введение)¹⁷; 5) Иона I—IV (Великая суббота). Относительно каждой паримьи рукописи были расположены в порядке убывания степени инвариантности. Таким образом, наиболее инвариантная рукопись обозначается цифрой 1, а наименее — цифрой 10 (см. табл. 2).

Степень инвариантности рукописи относительно разных чтений оказывается разной. Это означает, что результаты изучения отдельных чтений не могут быть экстраполированы на весь памятник. Установление списка, наиболее близкого к инварианту для каждого текста, должно представлять собой самостоятельное исследование.

Если степень близости к инварианту чтения колеблется от списка к списку, то общая группировка рукописей более или менее стабильна. Результаты группировки рукописей, полученные на основании анализа текста книги Ионы, почти совпадают с группировкой А. А. Пичхадзе, исследовавшей текст книги Исход [12].

VI

Разделение текста на участки, в которых все дошедшие списки дают одинаковое чтение¹⁸, и участки, в которых разные списки дают разные варианты (узлы разночтений), может иметь значение для решения ряда вопросов, касающихся особенностей переводческой техники Кирилла и Мефодия. Исследователи текстов, восходящих ко времени деятельности солунских братьев, чаще сосредотачивали свое внимание на том, чем дошедшие до нас списки отличаются друг от друга, т. е. на тех участках текста, которые мы называем узлами разночтений. В результате возникла достаточно обширная литература, посвященная проблеме лексической вариативности.

Между тем для суждений о деятельности Кирилла и Мефодия естественнее обращаться к тем фрагментам текста, о которых с уверенностью

¹⁷ Данные, касающиеся книги Исход, приводятся по [12, с. 190—193].

¹⁸ Напомним, что индивидуальные чтения, т. е. чтения, имеющиеся только в одной рукописи, в расчет не принимаются.

можно сказать, что именно они являются результатом деятельности со- лунских братьев. Видимо, целесообразно было бы составить славяно- греческие параллели к тем участкам текста, в которых нет разночтений. Эта работа также была бы полезна для реконструкции греческого ориги- нала кирилло-мефодиевских переводов. Понятно, что при столь значи- тельном числе узлов разночтений речь пойдет не о связанных фрагментах, а об отдельных лексемах и синтаксических конструкциях. В нашем слу- чае более крупные фрагменты обнаруживаются лишь в книге Ионы II.2— 10 (Молитва Ионы во чреве китово) — наиболее стабильной части текста. Мы видим, что извлекаемый таким образом материал должен содержать информацию не о тексте, а о языке кирилло-мефодиевских переводов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Акд — БАН, 331721. Паримейник, XVI в.
 Арх — ЦГАДА, ф. 181, МГАМИД № 570/1071. Паримейник, XVI в.
 Григ — ГБЛ, ф. 87, Григор. № 2/М. 1685. Григоровичев паримейник, XII—XIII в.
 Кз — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 61, Козминский паримейник, 1313 г.
 Кл — ГПБ, Колобов. № 467. Паримейник. XV—XVI в.
 Лян — ГБЛ, ф. 270 раздел II. Севост. № 2/М. 1439. Лянуновский паримейник, 1511.
 Мх — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 57. Михайловский паримейник, пер. пол. XV в.
 НК-1 — ЦГАДА ф. 381 оп. 1, Тип. № 49. Никифоровский I паримейник, 2-я пол. XIV в.
 НК-2 — ЦГАДА ф. 381 оп. 1, Тип. № 54. Никифоровский II паримейник, 2-я пол. XIV в.
 Пб-1 — ГПБ, Q. п. I. 51. Паримейник, XIII в.
 Пб-2 — ГПБ, Q. 1.178. Паримейник, XV в.
 Пб-3 — ГПБ, Q. 1.179. Паримейник, XV в.
 Пг-1 — ГПБ, Погод. № 57. Паримейник, XIV в.
 Пг-2 — ГПБ, Погод. № 451. Паримейник, XV в.
 Перф — ГБЛ, ф. 310 Ундол. № 1207. Перфирьевский паримейник, 1378 г.
 Пк — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 63. Покровский паримейник, сер. XIV в.
 Рум — ГБЛ, ф. 256, Рум. № 304. Паримейник, XV в.
 Ск — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 50. Сковородский паримейник, 1-я пол. XIII в.
 См-1 — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 51. Семеновский I паримейник, 2-я пол. XIV в.
 См-2 — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 62. Семеновский II паримейник, нач. XIV в.
 Сн-1 — ЦГИАЛ, ф. 834 оп. 1, Син. № 156. Паримейник, 1-я пол. XV в.
 Сн-2 — ЦГИАЛ, ф. 834 оп. 1, Син. № 157. Паримейник, XV—XVI вв.
 Сн-3 — ЦГИАЛ, ф. 834 оп. 1, Син. № 158. Паримейник, XV—XVI вв.
 Сн-4 — ЦГИАЛ, ф. 834 оп. 1, Син. № 159. Паримейник, 1585 г.
 Сн-5 — ЦГИАЛ, ф. 834 оп. 1, Син. № 160. Паримейник, XVII в.
 Срд — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 56. Середкинский паримейник, 2-я пол. XIV в.
 Ст — ГБЛ, ф. 256, Рум. № 303. Стефановский паримейник, XIV в.
 Стр — ГПБ, Q. л. 1.14. Строгановский паримейник, XIV в.
 Сф-1 — ГПБ, Соф. № 53. Паримейник, XIII в.
 Сф-2 — ГПБ, Соф. № 433. Паримейник, XIV в.
 Тм — ГПБ, Q. 1.177. Тимохинский паримейник, 1506 г.
 Тн-1 — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 52. Паримейник, 1348 г.
 Тро-1 — ГБЛ, ф. 304, 1, Тр.-Серг. № 4. Паримейник, XIV в.
 Тро-2 — ГБЛ, ф. 304, 1, Тр.-Серг. № 64. Паримейник, XV в.
 Тро-3 — ГБЛ, ф. 304, 1, Тр.-Серг. № 65. Паримейник, 1530 г.
 Тт-1 — ГПБ, Тит. № 927. Паримейник, 1-я пол. XV в.
 Тт-2 — ГПБ, Тит. № 953. Паримейник, XVI в.
 Тт-3 — ГПБ, Тит. № 3325. Паримейник, XVI в.
 Тх-1 — ГБЛ, ф. 299. Тихонр. № 202. Паримейник, к. XIV/? — нач. XV в.
 Тх-2 — ГБЛ, ф. 299. Тихонр. № 203. Паримейник, к. XIV — нач. XV в.
 Тх-3 — ГБЛ, ф. 299. Тихонр. № 205. Паримейник, XVI в.
 Тх-4 — ГБЛ, ф. 299. Тихонр. № 297. Паримейник, к. XV — нач. XVI в.
 Ф-1 — ЦГАДА, ф. 381, оп. 1, Тип. № 55. Федоровский I паримейник, 2-я пол. XIV в.
 Ф-2 — ЦГАДА, ф. 381 оп. 1, Тип. № 60. Федоровский II паримейник, XIII в.
 Цт — Старопечатные Цветные триоди собрания Научной б-ки МГУ им. А. М. Горь- кого: 1. Триодъ цветная. М., 1591; 2. Триодъ цветная. М., 1604; 3. Триодъ цвет- ная. Вильна, 1609.

- Verb — II Vrbnički brevijar, 1391 г. [22, с. 84—88].
 BVO — Brevijar Vida Omišljanina, 1396 г. [2, с. 138—153].
 Mis — Misal po zakonu rimskoga dvora, 1483 г. [23].
 Nov — II Novljanski brevijar, 1495 г. [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туницкий Н. Л. Книги Малых пророков. Сергиев Посад, 1918.
2. Ribarova Z. Knjiga proroka Jone // Slovo. 1987. № 37.
3. Monumenta musicae Byzantinae. Lectionaria. V. 1: Prophetologium. Fasc. 1—6. Nauniae, 1939—1970; Pars 2: Lectiones anni immobilis. Fasc. 1—2. Nauniae, 1980—1981.
4. Пичхадзе А. А. Типология паримейных чтений книги Исход // Старобългаристика. 1986. № 1. С. 29—34.
5. Каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988.
6. Сапунов В. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 64.
7. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984.
8. Алексеев А. А. Опыт текстологического исследования славянского Евангелия (по спискам библиотек Болгарии) // Старобългаристика. 1986. № 3.
9. Алексеев А. А. Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение. 1984. № 2.
10. Афанасьева Е. А. К истории текста и языка древнейшего славянского перевода книги Иова: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
11. Россек Н. В. К вопросу о текстологии кирилло-мефодиевских переводов // ВЯ. 1988. № 2.
12. Пичхадзе А. А. К лингвистическому изучению славянского паримейника (на материале паримейных чтений книги Исход): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
13. Colwell E. C. Studies in methodology in textual criticism of the New Testament. Leiden, 1969.
14. Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1.: Паримейный текст. Варшава, 1912.
- ✓ 15. Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983.
16. Телескоп Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 169.
17. Пичхадзе А. А. Применение статистики при текстологическом исследовании памятников с контролируемой традицией // Лингвистические задачи и обработка данных на ЭВМ. М., 1987.
18. Алексеев А. А., Кузнецова Е. Л. ЭВМ и проблемы текстологии славянских текстов // Лингвистические задачи обработки данных на ЭВМ. М., 1988.
19. Бар-Хиллел И. Некоторые новые результаты в теоретической лингвистике // Математическая логика и ее применение. М., 1985. С. 272.
- ✓ 20. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 228.
21. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983. С. 56.
22. Berčić J. Ulomci Svetoga Pisma obojeja ujeta. D. 3. Praha, 1865. P. 84—88.
23. Misal po zakonu rimskoga dvora (1483). Zagreb, 1971. P. 96—97.
24. II Novljanski brevijar. Fototip. izd. Zagreb, 1977. P. 256c — 257a.